

И.Д. Кошцев
К ОСОБЕННОСТЯМ АРГУМЕНТАЦИИ
ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И. КАНТА

Статья посвящена анализу особенностям аргументации в гносеологическом дискурсе И. Канта. Показано, что понятие истинности, то есть объективности знания, покоится у Канта на принципах общей и трансцендентальной логик, а также на принципах субъективной свободы и объективности разума. Важным принципом научной аргументации, по Канту, является принцип наглядности. Именно с этим аспектом аргументации связывает Кант такое качество своего учения, как «демонстративная истинность». Этим объясняется присутствие в текстах Канта довольно большого количества примеров. Примеры служат в первую очередь средством обоснования и подтверждения истинности априорных правил, применяемых к опыту. Особенностью кантовской аргументации является также то, что статусом факта в контексте его теории обладают данные рефлектирующей деятельности субъекта или субъектов, их восприятия, ощущения и т. д. Эти ментальные факты используются, в частности, для производства утверждений и получения выводов. Следует упомянуть также и принцип метафоры, служащий объяснительным, эвристическим целям аргументации. Отметить следует и такой принцип кантовской аргументации, который можно было бы назвать коммуникативным, или принципом объективации, согласно которому знания и суждения вместе с присущей им убежденностью должны сообщаться всем, ибо иначе они не будут совпадать с объектом и были бы чисто субъективной игрой представления.

The article analyzes peculiarities of argumentation in Kant's gnosological discourse. The author shows that the notion of truth, i.e. objectivity of knowledge, in Kant's philosophy rests on the principles of general and transcendental logic as well as the principles of subjective freedom and objectivity of reason. The important principle of scientific argumentation, according to Kant, is the principle of demonstrativeness.

Ключевые слова: Кант, дискурс, априорное знание, аргументация, общая и трансцендентальная логика, принцип, субъект, рефлексия, демонстративная истинность, принцип метафоры,

принцип объективации, аподиктическая модальность, дискурсивная демонстрация, свобода, разум.

Keywords: *Kant, discourse, a priori knowledge, argumentation, general logic, transcendental logic, principle, subject, reflection, demonstrative truth, principle of metaphor, principle of objectification, apodictic modality, discursive demonstration, freedom, reason.*

Философский текст Канта и, в частности, текст «Критики чистого разума» — это текст с ярко выраженной аргументативной направленностью. Как известно, Кант предъявлял к аргументации жесткие требования, рассматривая ее как необходимый компонент всякого философского рассуждения, претендующего на научность. С этих позиций Кант критикует, например, И.Г. Гердера за то, что тот считает уже простое изложение фактов доказательством. Наличие основательной аргументации является, согласно Канту, непременным условием производства априорного суждения. «Критическая философия», — говорит он, — «это такая философия, которая не мудрствует на авось, когда речь заходит о философских понятиях, не имеющих примера ни в каком возможном опыте» (Кант, 1982: 72).

Все это означает, что, по Канту, нельзя производить суждения, не проверив условия его истинности, этого требует критический метод мышления и познания. Понятие истинности, то есть объективности знания, покоится у Канта на принципах общей и трансцендентальной логик, а также на принципах субъективной свободы и объективности разума. Согласно логическому критерию суждение должно отвечать принципам непротиворечивости и достаточного основания. При этом первый критерий обеспечивает суждению логическую модальность возможности, а второй — действительности, т.к. он отражает всеобщий принцип суждений, гласящий, что суждение должно быть не просто возможным суждением, а обоснованным или, как выражается сам Кант, «аподиктическим» суждением.

Важным принципом научной аргументации, по Канту, является принцип наглядности. Кант настаивает на том, что теоретические аргументы и понятия должны иметь возможность своей наглядной реализации: если аргумент

нельзя сделать наглядным, то он должен быть устранен из состава научного знания. Именно с этим аспектом аргументации связывает Кант такое качество своего учения, как «*демонстративная истинность*». Этим объясняется присутствие в текстах Канта довольно большого количества примеров. Примеры служат в первую очередь средством обоснования и подтверждения истинности априорных правил, применяемых к опыту.

Особенностью кантовской аргументации является также то, что статусом факта в контексте его теории обладают данные рефлектирующей деятельности субъекта или субъектов, их восприятия, ощущения и т.д. Эти ментальные факты используются, в частности, для производства утверждений и получения выводов.

Следует упомянуть также и принцип метафоры, служащий объяснительным, эвристическим целям аргументации, т.к. наглядность является средством, благодаря которому деятельность мышления становится доступной познанию, ибо мышление всегда должно иметь материал, которым оно оперирует.

Упоминать следует и такой принцип кантовской аргументации, который можно было бы назвать *коммуникативным*, или принципом объективации. В «Критике способности суждения» он пишет, что знания и суждения вместе с присущей им убежденностью должны сообщаться всем, ибо иначе они не будут совпадать с объектом и были бы чисто субъективной игрой представления, а это и есть как раз то, чего так жаждет скептицизм (Kant, 1983a: 321).

Дело в том, что, по Канту, к представлению, поставляющему предмет для познания, принадлежат способность воображения, осуществляющая синтез многообразного в созерцании, и рассудок, соединяющий представление в единство понятия. И это есть состояние сознания как свободное взаимодействие познавательных способностей субъекта с целью определения объекта, с которым должны согласовываться данные представления, присуще каждому субъекту; оно должно иметь силу для каждого субъекта (Kant, 1983a: 296). Основания для подобного расчета, следовательно, об-

ладают качеством объективности, и подобные состояния сознания Кант называет *убежденностью*. На обеспечение этого качества направлены так называемые общие максимы человеческого мышления: думать самому, думать на месте каждого и думать в согласии с самим собой. Первая максима — это максима рассудка, вторая — максима способности суждения, третья — максима разума (Kant, 1983a: 391).

И, наконец, следует отметить, что аргументация в философском тексте носит многоуровневый характер. Кантовский текст — это мощная, по меньшей мере, трехуровневая семантическая система порождения текста. Наличие уровней обусловлено прежде всего исторически сложившимися системами философского знания — эмпиризма (18 век) и рационализма (17 век), своеобразный синтез которых представлен в гносеологической теории Канта. В работе: «Какие действительные успехи сделала метафизика со времен Лейбница и Вольфа в Германии» Кант указывает, что основной вопрос «Как возможно теоретическое знание?» может быть поставлен и в другой формулировке, а именно «Следует ли выводить знания единственно только из опыта как высшем его основании?» и это — вопрос права. Положительный ответ на него ведет к эмпиризму, а отрицательный — к реализму. Синтез этих точек зрения, как известно, Кант выразил в формуле «понятия без созерцания пусты, а созерцания без понятий слепы» (Kant, 1983b: 607). Иными словами, теоретические конструкты должны иметь эмпирическую интерпретацию. Отсюда в тексте И. Канта три уровня: уровень объектного языка (эмпирический уровень), уровень метаязыка (рассудок, уровень описания, уровень теории) и уровень метаметаязыка (уровень разума (методологии теории)).

Аргументация выполняет для дискурсивного познания ту же роль, что и созерцание для понятия, то есть аргументативный текст рассматривается как *дискурсивная демонстрация*. В текстах И. Канта поэтому обильно представлены выражения типа: «как мы видели выше», «как было показано» и т.д., получающие эпистемический статус.

В арсенале аргументации в кантовском тексте присутствуют, однако, не только известные операции формальной

логики, но и операции естественной логики, такие как сравнение, аналогия, членение, иллюстрация, классификация и т.д.

Так, Кант говорит об операции приведения примеров, которая явно относится к естественной логике, что она необходима, как он выражается, как "поводок" способности суждения для тех, кто не обладает естественным талантом к такой способности; в то же время и о трансцендентальной логике он говорит, что ее особенность в том, что одновременно с чистым понятием она указывает и случай, к которому оно применимо.

Одним из важнейших источников истинности априорного знания выступает сам субъект мышления и принцип свободы, обеспечивающий максимум самосохранения разума. Свобода в мышлении означает, что разум должен подчиняться лишь таким законам, которые он дает самому себе. *Мыслить самому, по Канту, означает иметь высший критерий истины в самом себе, то есть в своем собственном разуме.* Это означает всего лишь следующее: во всем том, что ты полагаешь, следует спрашивать себя, можно ли делать основание, из которого ты исходишь, или правило, которое следует из данного предположения, всеобщим принципом использования разума. Этим объясняется большой удельный вес в «Критике...» речи от первого лица и вообще от рефлектирующего субъекта.

Синтетический способ построения дискурса Канта характеризуется движением от основания к следствию. Он характерен для дедуктивных форм речи. Но к нему Кант относит и антиимплицативную форму «не..., а...» («nicht... sondern...»), играющую у него большую прагматическую роль. Она используется им для утверждения своих концептов и удаления из тезауруса адресата чужих. Синтетические текстовые структуры также могут быть двух- и трехчастными. К двухчастным относятся антецедентно — консеквентные структуры вида «wenn...,so...»(если..., то...), «da..., so...» (так как..., то...), «weil..., so...», (так как..., то...) «insofern..., so...»(постольку..., поскольку...), «zwar..., so...» (хотя..., тем не менее...) и др. Это, по Канту, суть суждения рассудка. Трех — и более частные конструкции являются,

как правило, формально — логическими построениями, категорическими, условно-категорическими силлогизмами и полисиллогизмами (суждения разума).

Одной из наиболее частотных семантико-синтаксических конструкций в текстах Канта является имплицативная конструкция «если..., то...» (*wenn..., so...*). Статистические данные показывают, что она встречается в текстах Канта около 7000 раз. Смысл конструкции «если..., то...» можно представить в виде следующей формулы: «Ситуация-гипотеза «А» — достаточное основание для ситуации — вывода «В»».

Однако в текстах Канта она помимо прочего играет текстообразующую роль, связывая воедино комплексные пропозициональные единства и образуя их основное логико-семантическое отношение, на которое накладываются — порой в причудливой форме — другие семантические и синтаксические отношения. Поясним это на примере:

- (1) «Если необходимым законом нашей чувственности, а тем самым и формальным условием всякого восприятия является то, что предыдущее время с необходимостью определяет последующее (я не могу оказаться в следующем моменте времени иначе как с помощью предшествующего), (2) *то* непреременный закон временного ряда будет состоять в том, что явления прошедшего времени определяют всякое наличное бытие в настоящем; и что последние как события могут состояться только постольку, поскольку первые определяют их существование во времени, т.е. согласно правилу. Ибо только с помощью явлений мы можем эмпирически определить эту непрерывную связь моментов времени» (Kant, 1995: 234). [Курсив и пунктирование наше — Кошцев И.Д.]

В этом примере **антецедент** включает следующие пропозиции:

1. Необходимый закон нашей чувственности состоит в „X“.
2. Формальным условием всех восприятий является „X“.

3 „X“: Предыдущее время с необходимостью определяет последующее.

4. Я могу оказаться в последующем моменте времени только благодаря предыдущему (моменту времени).

Консеквент содержит в своем составе следующие пропозиции:

1. Неотъемлемым законом представлений эмпирического ряда является „Y“.

2.“Y“: Явления предшествующего времени определяют любое наличное бытие в последующем (времени)

3. События происходят только при условии „Y“.

4.“Y“: События предыдущего времени определяют существование последующих (событий) во времени.

5. События прошедшего времени предопределяют любое существование в последующем согласно правилу.

Общая схема логико-семантических отношений в этом СФЕ выше следующая:

АНТЕЦЕДЕНТ:

Если:	1.Проп.	Конъюнкция
	2.Проп.	
	3.Проп.	Перифраз
	4.Проп.	

то... КОНСЕКВЕНТ:

5.Проп.	Изъяснение
6.Проп.	
7.Проп.	Перифраз
8.Проп.	

Как следует из схемы, *имплицативное* отношение для данного выше СФЕ — основное. Частными отношениями будут отношение конъюнкции и изъяснительные; побочными — перифраз. Ключевая фраза (тезис) появляется лишь в конце как вывод. При таком построении высказывание отчетливо делится на «данное» («антецедент») и «новое» (консеквент), несущий новую информацию и ведущий рассуждение дальше. При этом антецедент характеризуется *трансцендентальной* семантикой, а консеквент — *эмпирической*, потому что, по Канту, априорные формы выступают в качестве условия получения эмпирических законов и правил (как в примере выше).

Философский дискурс Канта по своему характеру энтимемичен, и это несмотря на то, что он отличается очень плотными семантическими связями. Это можно показать, если сопоставить поверхностную логическую структуру текста с глубинной структурой. Поясним это на следующем примере:

2. «Пространство не есть эмпирическое понятие, полученное из внешнего опыта. Действительно, для того, чтобы определенные ощущения могли относиться мной к чему-то вне меня (т.е. к чему-то, находящемуся в другом месте, чем в том, где я нахожусь), а равным образом для того, чтобы я мог представить их как находящиеся рядом друг с другом, т.е. не только как различные, но и как находящиеся в разных местах, для этого представление пространства должно быть уже дано мне как основание. Следовательно, представление пространства не может быть заимствовано из отношений внешних явлений с помощью восприятия, а сам этот внешний опыт только и становится возможным благодаря этому мысленному представлению» (Kant, 1995: 72). [Перевод наш — Кошцев И.Д.].

Глубинная формально — логическая структура данного СЕ состоит из пяти блоков условно-категорического силлогизма, а именно:

1. {Если / ощущения относимы к чему-то вне меня /**p**/ и я могу представить их себе как находящиеся в разных местах (т.е. не в том месте, где я нахожусь) /**q**/, то / представление пространства должно быть уже заранее дано (в мышлении) /**r**/. Ощущения относятся к чему-то вне меня /**p**/ и

я могу представлять их себе как находящиеся в разных местах (т.е. не в том месте, где я нахожусь) /q/. Следовательно, /представление пространства уже заранее дано (в мышлении) /r/.}

Формально-логическое представление этого блока следующее:

$$\frac{p \wedge q \rightarrow r}{p \wedge q}$$

$$r$$

2. Если / представление пространства уже заранее дано (в мышлении) /r/, то / оно предшествует опыту /s/. Представление пространства уже дано заранее (в мышлении) /r/,

Следовательно, /оно предшествует опыту /s/.

Формальное представление:

$$\frac{r \rightarrow s}{r}$$

$$s$$

3. Если /представление пространства предшествует опыту /s/, то /оно не может быть заимствовано из опыта /t/. Представление пространства предшествует опыту /s/. Следовательно, /оно не может быть заимствовано из опыта /t/.

Формальное представление:

$$\frac{s \rightarrow t}{s}$$

$$t$$

4. Если /представление пространства не заимствовано из опыта /t/, то / понятие «пространство» не является эмпирическим понятием /f/. /Представление пространства не заимствовано из опыта /t/. / Следовательно, понятие «пространство» не является эмпирическим понятием /f/.

Формальное представление этого силлогизма следующее:

$$\begin{array}{c} t \rightarrow f \\ t \\ \hline f \end{array}$$

5. Если / представление пространства уже заранее дано /r/ (в мышлении), то / становится возможным опыт /l/ /Представление пространства уже дано заранее (в мышлении) /r/. Следовательно, / становится возможным опыт /l/.

Формально:

$$\begin{array}{c} r \rightarrow l \\ r \\ \hline l \end{array}$$

В поверхностной логической структуре данного СЕ представлены, однако, не пять, а всего лишь три блока, а именно тезис, аргумент и вывод, т.е.:

1. Тезис: /Пространство не есть эмпирическое понятие /f/, и / оно не заимствовано из опыта /t/.

2. Аргумент: Для того чтобы / ощущения чего-либо относились к чему-то вне меня /p/, и я мог их представлять себе как находящихся в различных местах, т.е. не в том месте, где я нахожусь /q/, то/ представление пространства должно быть уже дано (в мышлении) /r/.

3. Вывод: / Представление пространства не может быть заимствовано из опыта /t/, и / оно не является эмпирическим понятием /f/. /Представление пространства уже заранее дано (в мышлении) /r/ и / становится возможным опыт /l/.

Формально:

$$\begin{array}{c} f \wedge t \text{ (тезис)} \\ (p \wedge q) \rightarrow r \text{ (аргумент)} \\ \hline (t \wedge f) \quad \text{(вывод)} \\ (r \wedge l) \end{array}$$

Таким образом, в *поверхностной (внешней) логической структуре* текста отношение между тезисом и аргументами

энтимемично, т.е. не все необходимые формально-логические шаги представлены в нем. Следовательно, логически более последовательная аргументация обеспечивается лишь на глубинном формально-логическом (реконструируемом) уровне семантико-логических отношений между антецедентом и консеквентом дискурса.

Корреляция логических блоков в глубинной и поверхностной логической структуре такова: тезис содержит информацию, представленную в третьем и четвертом блоках реконструированного условно — категорического силлогизма. Аргумент содержит информацию первого блока, второй блок не представлен. В выводе представлены четвертый и пятый блоки, но лишь суммарно.

В этой связи уместно привести высказывание В. Н. Брюшинкина о том, что во внешней речи при «осуществлении аргументации применяется риторический прием преобразования умозаключений в энтимемы путем опускания суждений и образования структуры, выразимой во внешней речи, изменения порядка следования посылок и заключения и приспособления формы суждений к требованиям естественного языка» (Брюшинкин, 2011: 11-12).

Следует подчеркнуть, что антецедентно-консеквентный принцип построения аргументации помимо чисто логической функции служит также средством развертывания дискурса, т.е. выступает одновременно и *как принцип текстуальности*, так как каждый последующий шаг рассуждения, т.е. каждая большая посылка каждого следующего силлогизма представляет собой повтор вывода предыдущего силлогизма, подвергаясь тем самым *тематизации (становится «данным»)*. Таким образом, имеет место одновременно с логическим и *коммуникативное тема-рематическое развертывание текста* и каждая большая посылка выступает тем самым и как *коммуникативная тема-рематическая единица текста*. В этой связи следует упомянуть слова Канта о том, что при говорении мы всегда возвращаемся назад и заглядываем вперед, т.е. он сформулировал тем самым суть теперешнего понятия тема-рематической перспективы высказывания и членения речи при осуществлении коммуникации с помощью естественного языка.

Итак, в философском тексте Канта как аргументирующем дискурсе семантические отношения между поясняющим (антецедентом) и поясняемым (консеквентом) компонентами имеют *глубинный (реконструируемый) и поверхностный (внешний)* уровни. Поверхностная логическая структура текста *энтимемична*, а глубинная может быть выявлена лишь с помощью *формально-логического анализа, который, в свою очередь, обнажает и принцип текстуальности, т. е. принцип тематического развертывания философского дискурса И. Канта.*

Литература

- Брюшинкин, В.Н. (2011) 'О двоякой роли риторики в системной модели аргументации', *Модели рассуждений – 4. Аргументация и риторика*, с. 11-12.
- Кант, И. (1982) 'Что значит ориентироваться в мышлении', *Кантовский сборник*, вып. 7, с. 72.
- Kant, I. (1995) *Kritik der reinen Vernunft*, Hrsg. von Wilhelm Weischedel. Suhrkamp – Taschenbuch Wissenschaft. Bd.1, Frankfurt am Main, S. 234.
- Kant, I. (1983a) 'Welches sind die wirklichen Fortschritte, die die Metaphysik seit Leibnitz's und Wolfs Zeiten in Deutschland gemacht hat', In: *Immanuel Kant. Werke in zehn Bänden. Schriften zur Metaphysik und Logik*. Hrsg. von Wilhelm Weischedel. Sonderausg. Bd. 5. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, S. 607.
- Kant, I. (1983b) 'Werke in zehn Bänden. Schriften zur Metaphysik und Logik'. Hrsg. von Wilhelm Weischedel. Sonderausg. Bd. 8. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, S. 321.

Об авторе

Иван Демьянович Кошцев – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Балтийского федерального университета им. И. Канта, koptsev42@yandex.ru.

About author

Dr. *Ivan D. Koptsev*, Professor, Department of Language Theory and Intercultural Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, koptsev42@yandex.ru.